

FIVE TOTAL
STRANGERS

НАТАЛИ Д. РИЧАРДС

ПЯТЬ
АБСОЛЮТНЫХ
НЕЗНАКОМЦЕВ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р56

FIVE TOTAL STRANGERS

Natalie D. Richards

Copyright © 2020 by Natalie D. Richards

Перевод с английского П. Денисовой

Художественное оформление О. Сапожниковой

Ричардс, Натали Д.

Р56 Пять абсолютных незнакомцев / Натали Д. Ричардс ;
[перевод с английского П. Денисовой]. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172162-6

Семнадцатилетняя Мира летит домой на Рождество. Она должна поддержать мать, которая тяжело переживает развод. Но из-за сильных снегопадов самолет совершает экстренную посадку в другом городе, все авиарейсы отменены.

В аэропорту Мира знакомится со студенткой Харпер, и та предлагает взять в аренду машину, чтобы добраться до Питтсбурга. Но вместе с ними собираются поехать трое незнакомцев: парень со сломанной ногой, неразговорчивая девушка и студент-медик. На первый взгляд обычные пассажиры, но каждому из них есть что скрывать.

Эта поездка превратится в настоящий кошмар, с которым не сравнится даже самая опасная снежная буря. Кто-то из попутчиков Миры отчаянно не хочет, чтобы она вернулась домой.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Денисова П., перевод на русский язык,
2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172162-6

Моим братьям-путешественникам,
исследователям вод и пустынь
и всего, что лежит между ними

ОДИН

Огни в салоне мигают, и я просыпаюсь, моргая. Шея затекла, во рту пересохло. Над головой что-то гремит — на багажной полке. Турбулентность. Я зеваю, и наушник выпадает у меня из уха как раз в тот момент, как наш самолет резко проваливается в воздушную яму. По салону разносится тихое аханье и обрывки взволнованных разговоров.

Трещит динамик:

— Дамы и господа, до Ньюарка остается около двадцати миль. Как вы могли заметить, погодные условия у нас не самые благоприятные. Посадка предстоит жесткая.

Харпер, моя соседка по креслу, ерзает на сиденье.

— Ну, сейчас начнется истерика.

Я смеюсь. Она абсолютно права: непривычные к полетам пассажиры всегда нервничают, когда пилот упоминает погоду, турбулентность и жесткие посадки. По ту сторону прохода темноглазая женщина с тонкими губами затягивает ремень безопасности так, что больно смотреть. Я представляю, как нарисовала бы ее: сосредоточилась бы на лице и оставила бы остальное размытым. В ее глазах читаются страх и решительность.

Женщина ловит мой взгляд и выразительно смотрит на расстегнутый ремень у меня на бедрах. В ответ я лишь наклоняюсь к иллюминатору, чтобы было лучше видно. Не в пример Невротической Нэнси, меня совсем не пугают скачки самолета. Пока он не рухнет вниз с горящими двигателями, беспокоиться не о чем. Какая разница! Да пусть мы хоть всю дорогу до посадочной полосы проскачем по воздушным кочкам. Главное, добраться домой, к маме. Я невольно вспоминаю руку тети в своей ладони. Тонкая, восковая, в синяках от капельниц. Я бы предпочла стереть эту картину из памяти. У нас с тетей Фиби было много прекрасных воспоминаний. Как мы пекли шоколадные печеньки. Как примеряли шарфы. Как вместе рисовали красками и подбирали сочетания цветов. Теперь эти прекрасные воспоминания размылись; осталось только то, что случилось в прошлом году. Последние дни, что мы провели вместе, вставляли у меня перед глазами точно наяву.

Запах лекарств и хлорки. Скрип моих подошв по больничному линолеуму. Тихие, икающие маминьки всхлипы. Стоит мне расслабиться — и я словно возвращаюсь туда снова.

Но маме еще хуже. Мне Фиби была тетей, а маме — сестрой-близняшкой. Однажды мама сказала мне, что это все равно что потерять одно легкое: *«Не думаю, что когда-нибудь смогу дышать полной грудью»*.

Звон металла возвращает меня к реальности. В передней части салона стюардессы медленно провозят тележки, собирая мусор и поднимая откидные столики. Кто-то из пассажиров вступил с ними в спор. Мне не слышно, что он спрашивает, но стюардесса отвечает ему сурово: «Нет, сейчас нельзя доставать багаж с полки. Сэр, простите, это нарушает правила безопас-

ности». Я застегиваю собственную сумку. Стюардессы проходят мимо нашего ряда, улыбочивые и вежливые, несмотря на то что самолет трясет и подкидывает. Харпер аккуратно красит губы. При такой турбулентности я понятия не имею, как она еще не раскрасила себе нос. Чудеса какие-то.

Мне неловко за свои дешевые джинсы: рядом с Харпер, облаченной в белоснежную блузку и шерстяную юбку-карандаш, я кажусь себе последней неряхой. Харпер рассказывала мне про свой университет; значит, мы с ней примерно ровесницы. Однако такого шика мне никогда не достичь.

Самолет снова проваливается вниз, и у меня подводит живот. Крылья со стуком ловят воздушный поток. Я клацаю зубами; стюардесса спотыкается в проходе. Кто-то плачет. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Видимо, насчет жесткой посадки пилот не шутил.

Снова включается громкая связь:

— Стюарды и стюардессы, займите свои места.

Харпер заправляет длинную темную прядь за ухо.

— Ну вот, придется и дальше держать стаканчик.

Самолет с грохотом пробирается сквозь облака. Спуск проходит хуже некуда. У меня клацают зубы. Сумки скачут под подлокотниками. Я достаточно часто летаю, чтобы не особенно волноваться, но на всякий случай заглядываю в иллюминатор. Давай, опускайся уже под облака.

На сиденье передо мной женщина все продолжает плакать, и теперь я ее даже отчасти понимаю. Вид у всех напряженный. У всех, кроме Харпер.

— Сколько у тебя времени между рейсами? — спрашивает она, надевая на помаду колпачок и не разливая при этом ни капли своей диетической колы.

— Сорок пять минут, — отвечаю я.

Самолет снова падает и снова поднимается.

— Совсем впритык.

— В такую погоду переживать не о чем. Все равно все рейсы задержат. — Она широко улыбается. — Так ты подумала о том, что мы обсуждали?

Обычно я всеми силами избегаю самолетной болтовни. Но не успели мы взлететь, как Харпер показала на серебряный браслет, который папа подарил мне два года назад на Рождество. Она с одного взгляда узнала ювелира, и мы разговорились про обработку металлов. Потом разговор перешел на современное искусство, потом на живопись. И тут уж меня было не остановить.

— Мне кажется, я задремала где-то над Оклахомой, — говорю я.

Она смеется.

— Надеюсь, эта метель убедит тебя перевестись в Калифорнию.

— Перевестись?

— Ну да. Может, раньше тебе бы и не хватило среднего балла, но теперь ты учишься на одни пятерки. И талант есть. Я видела твои работы.

— Ну, на телефоне.

— Мне хватило. В твоих картинах есть сила; такое нечасто бывает.

Фиби говорила мне что-то похожее. Что я умею так работать с цветом, что зритель сразу может разглядеть самое важное в моих картинах. Так она убедила меня взять у нее денег и отучиться семестр в страшно дорогом и ужасно престижном университете на другом конце страны. Меня взяли на третий курс, но я вернулась домой сразу, как узнала о болезни Фиби. Воз-

вращаться я не собиралась, особенно теперь, когда за последний курс мне пришлось бы заплатить огромную сумму.

Фиби и слушать об этом не хотела. В один из наших последних разговоров она попыталась убедить меня, чтобы я переехала с концами. Тетя вложила мне в ладонь чек и крепко сжала запястье тонкими пальцами. Она говорила, как ей хочется, чтобы я вернулась и осталась учиться до самого выпуска.

«В твоих работах есть душа, Мира. Ты должна раскрыть свой талант. Это важно».

Не знаю, была ли она права, но спорить с умирающей тетей я не собиралась.

— Хотя ладно, — говорит Харпер, и мои мысли возвращаются к настоящему. — Стоит людям увидеть твои картины, никто и не вспомнит, что ты окончила только училище.

Училище? Я прокручиваю в голове наш разговор. Как я показывала ей фотографии с последней студенческой выставки. Я призналась тогда, что не в восторге от преподавателя живописи. Не знаю, с чего Харпер решила, что я хожу в училище... Так или иначе, перевестись в другой университет я не смогу. Я все еще учусь в школе.

Мне хочется объяснить это Харпер, но зачем... если случайная попутчица в самолете решила, что школьная попытка для меня уже закончена, то какая кому разница!

— Я подумаю, — отвечаю я.

— Да, подумай. Напиши, если захочешь, чтобы я поговорила с Джудом.

Самолет сильно кренится влево, поймав крылом нисходящий поток воздуха. Плачущая женщина взвизгивает, но Харпер лишь вздыхает и просит мой номер

телефона. Говорит, отправит мне эсэмэску. Все это время она удерживает в левой руке свой стаканчик. Сама я летать практически не боюсь, но эта девчонка... такого невозмутимого спокойствия я еще не встречала.

Самолет сильно трясет. Теперь крики раздаются со всех сторон. Харпер фыркает:

— Лучше уж авария, чем весь этот цирк.

Крепко сжимая подлокотник, я выдавливаю из себя улыбку. *«Дорогой Боженька, если ты меня слышишь, пожалуйста, пусть я вырасту такой же, как Харпер».*

— Ну вот. Джуд выпускается в следующем году. Кафедра истории музыки. Развлечение для богатеев, если спросишь меня, но ему и правда повезло. Ты говорила, тебе не очень нравится Эверглен... Я правильно помню? Ты же ходишь в Эверглен?

Я киваю: я и правда учусь в школе Эверглен. Мне несколько неловко, но я ее не перебиваю.

— Думаю, тебе просто нужен колледж получше. Тебе понравится в Университете искусств. Все от него в таком восторге.

— Подожди, а ты сама разве не туда ходишь?

— Нет, я учусь на международных отношениях в Помоне.

— Легкотня ведь, да? — Я ухмыляюсь.

— Была бы легкотня, если бы я не взяла дополнительный курс по востоковедению.

Самолет заваливается на правый бок, выпрямляется, потом падает влево. Люди вокруг меня плачут, и, честно говоря, я сама не припомню худшего приземления за долгую историю моих полетов. Но Харпер продолжает щебетать, уставившись в пространство.

— Не знаю, о чем я думала, — задумчиво произносит она. — Можно, конечно, брать поменьше предметов в семестре, но я люблю сложные задачи.

— Похоже на то.

Она все не замолкает. Как ни в чем не бывало Харпер продолжает вещать про университеты и стипендии, и ее, похоже, совсем не тянет заглянуть в иллюминатор. У нее куча дел и на всякие аварии совершенно нет времени.

Она оказалась права.

Самолет, скрипнув шасси, покатился по посадочной полосе под гром аплодисментов. Что-то у меня внутри расслабляется, и я наконец могу дышать полной грудью. Похоже, я переживала больше, чем мне казалось. Сквозь потрескивание динамиков раздается голос стюардессы. Пассажиры, облегченно смеясь, снимают с полок чемоданы. Когда мы выгружаемся из самолета, я проверяю сообщения. Шесть новых. От Зари, от папы и три от мамы.

Мамины я открываю первыми. Сначала последнее. Мама: «Напиши, когда приземлитесь. Я на работе, но волнуюсь из-за погоды».

Нахмурившись, я пробегаю пальцем по экрану. Мама наверняка все это время следила за прогнозом погоды не отрываясь. Конечно, я могу преувеличивать. Это не похоже на маму. Но когда я переехала... Да ладно, кого я обманываю. Когда умерла Фиби. Когда умерла Фиби, все изменилось.

— Парень? — предполагает Харпер.

Я мотаю головой.

— Нет, мама. Ну, из-за погоды...

Она тихо смеется:

— А тут еще я со своими материнскими советами насчет универа...

Я фыркаю:

— Уж поверь мне, вы с моей мамой полные противоположности.

Наверно, поэтому мне Харпер и понравилась. Или, по крайней мере, поэтому я хочу быть на нее похожей. Харпер похожа на тетю Фиби, если бы у той был идеальный вкус и богатый опыт путешествий. А вот мама совсем из другого теста: тихая, осторожная. Работает медсестрой в послеоперационных палатах и до смерти боится инфекций и самолетов. А с прошлого года она боится и всего остального на свете.

Может, если бы я осталась с ней, маме не было бы так страшно.

Нет. Хватит себя терзать. Мама хотела, чтобы я поехала. Выписала чек от имени тети Фиби на целые полгода учебы! Папа заплатил за второе полугодие: он был в восторге, что я на какое-то время перееду поближе к нему. Мы все согласились, что так будет лучше для меня.

Но как было бы лучше для нее самой?

Я захожу в аэропорт, и у меня перехватывает дыхание. Все сиденья заняты, от стен тянутся шнуры телефонных зарядок, все углы завалены чемоданами. У стен рядами выстроились сумки и детские коляски. В проветах между ними стоят взъерошенные путешественники: кто-то сжимает в руках телефон, кто-то дремлет стоя.

Я чувствую легкий толчок справа. Повернувшись, вижу Харпер: она проталкивается мимо меня, элегантно катя за собой кожаный чемодан.

— Ты разве не собираешься поговорить? — Я киваю в сторону стойки регистрации, где, похоже, собралось все население Пенсильвании.

— Зачем? Провести канун Рождества в гостинице аэропорта? Нет уж, спасибо. Я возьму машину.

Я тихонько смеюсь: не уверена, что Харпер уже можно водить машину. Да и машин наверняка не осталось. Снаружи ветер наметает редкие снежинки. Если спросите меня, то наш полет вообще не надо отменять. Его и задерживать-то, по сути, незачем. Харпер шагает вперед, сияя уверенностью и клацающая каблучками кожаных туфель.

Она останавливается и поворачивается ко мне.

— Поехали со мной. Если хочешь. Подброшу тебя до Питтсбурга.

Ага, конечно. Оптимизм — это, конечно, прекрасно, но его тут явно недостаточно. Я с улыбкой трясую головой.

— Я попытаю удачи в очереди. Нужно разобраться, что мне теперь делать.

— Ну... — Харпер замолкает, словно придумывая аргументы, но потом качает головой. — Напиши мне по поводу университета. И удачной дороги домой!

Она съезжает по эскалатору. Сразу за ней на ступени становятся широкоплечий парень с темными волосами и семейная пара с тремя маленькими детьми. Рядом со мной несколько сотрудников аэропорта ввозят в зал раскладушки. Одна из сотрудниц наблюдает за процессом, приложив к уху рацию. Телеэкраны над головой тоже навевают тоску: показывают прогноз погоды. Огромные мерцающие буквы складываются в слово «ШТОРМЕТЕЛЬ».